Глава 474: Вот почему он взял путь на север.

— Почтенный Хань Шань… — прошептал Мэн Хао.

Ему достался меч и калабас Хань Шаня, на его руке была завершённая тотемная татуировка из Инеистой почвы. Но всё это были вещи материальные. Ему глубоко в сердце запал образ Хань Шаня и его жены. В этом образе не было ни одиночества, ни тоски. Не было в нём и растерянности… только муж с женой, бок о бок уходящие куда-то вдаль.

— Я, Мэн Хао, здесь, в мире Руин Моста, торжественно клянусь: если когда-нибудь наступит день, когда я смогу сотрясти Мост Поступи Бессмертных, тогда я обязательно отплачу за вашу доброту!

Несмотря на леденящий ветер, который уносил его прочь, он повернулся к рабам моста и низко поклонился. Установленные самим Мэн Хао принципы требовали от него отплатить добром за добро. Оказанная доброта не должна быть забыта!

На пути Мэн Хао встречались люди, проявившие к нему доброту. Если он о них забудет, тогда будет недостоин называться практиком. Это же правило относилось и к злодеяниям… Любое злодеяние он вернёт сторицей.

Я сделаю всё что в моих силах, чтобы отплатить благодетелям!

Я сторицей воздам за злодеяния моих врагов!

Пока люди не атакуют меня, я не стану атаковать их.

Если кто-то атакует меня, он умрёт!

В этом был весь Мэн Хао. В Конфуцианстве существует концепция справедливости. Она состоит из двух частей: первая говорит о доброте и терпимости к другим, вторая о том, что надо действовать, когда это необходимо. Оказавшись в мире культивации, Мэн Хао шёл собственным путём. Этот путь не был связан с культивацией, а скорее с его собственными принципами. В этих принципах у Мэн Хао имелось и понятие о справедливости — справедливости, состоящей из двух частей. Первое правило о том, что всегда надо платить добром за добро. Второе, нести смерть всякому, кто вздумает его атаковать![1] Культивация развивает уверенность. Культивация учит, как надо вести себя!

Мэн Хао очень долго не разгибал спины. Чжисян, находящаяся рядом с ним, неожиданно с большой скоростью вырвалась из холодного ветра и помчалась куда-то вдаль. Она вскинула руку, вызвав цветок. Атака была направлена не на Мэн Хао. Её цветок превратился в целое море цветов, которое окружило… демонического духа, летавшего неподалёку!

Всего за несколько мгновений она с радостным смехом поймала бабочку. Неподалёку неожиданно появился второй демонический дух. Он, похоже, почувствовал, что его заметили. Захлопав крыльями, он в страхе попытался сбежать. Чжисян с блеском в глазах собиралась броситься в погоню, но ей резко пришлось затормозить. Всё потому, что Мэн Хао неожиданно вспыхнул ци Танцующего Меча. Постоянная угроза со стороны ци меча уже порядком надоела Чжисян. Она покосилась в сторону Мэн Хао. Он уже не в первый раз проделывал нечто подобное. Нахмурив брови, она рассмеялась и полетела в обратную сторону. До Мэн Хао донёсся её голос:

— Мэн Хао, ты сегодня немало узнал. Хоть наше сотрудничество и подошло к концу, если тебе

всё ещё интересно, мы можем встретиться в этом месте через двести лет и вместе войти в древний мир Бессмертного Демона! Возможно, там ты узнаешь способ, как спасти почтенного Хань Шаня. Что до демонического духа, если хочешь, можешь его забрать, я не стану с тобой из-за него драться.

Её тело залила вспышка, и она в луче красного света умчалась куда-то в пустоту. Мэн Хао с блеском в глазах проводил её взглядом. Он не стал ни останавливать её, ни отвечать на её предложение. Вместо этого он рванул в сторону демонического духа.

Отлетев немного, Чжисян выполнила скачок и переместилась как можно дальше от Мэн Хао. После перемещения она закашлялась кровью. Её била крупная дрожь. Внезапно возник призрачный образ её собственного лица. Удивительно, но это был образ вырывающейся на волю души Чжао Юлани!

— Я не планирую сливаться воедино с твоей душой, золотце. Но тебе придётся выполнить свою часть уговора. Я позаимствую твоё тело на двести лет. Когда этот срок выйдет, я верну его тебе. При этом ты отдаёшь его мне не за просто так. Я гарантирую, что после этого ты останешься на великой завершённости стадии Зарождения Души. С этими словами она нажала пальцем себе на лоб.

Попытки души Чжао Юлани вырваться резко сошли на нет. Со страхом на лице её призрачный образ медленно исчез.

— Меня ранила Инеистая почва, вдобавок в моё тело дважды проник леденящий холод. А чтобы поймать этого демонического духа мне пришлось циркулировать довольно много моей эссенции Бессмертного. Этот хитрый лис Мэн Хао дьявольски жесток. Надо убираться отсюда поскорее, не ровён час, этот парнишка действительно атакует меня.

Глаза Чжисян ярко заблестели. Она сама не понимала, как так вышло, но в какой-то момент Мэн Хао превратился в её глазах в достойного оппонента.

— Неподверженность проклятью будет большим преимуществом, если он поможет мне в древнем мире Бессмертного Демона через двести лет. С ним мой план по обретению Тела Бессмертного Демона ждет успех.

Чжисян вытащила из бездонной сумки камень Моста Бессмертных племени Пяти Ядов. Раздавив его, её тело начало расплываться. Довольно скоро она полностью исчезла.

Мэн Хао остался в пустоте в гордом одиночестве. Когда леденящий ветер стих, на него со всей силы обрушился холод пустоты. Но Мэн Хао он казался тёплым. Его земляной тотем был создан из непревзойдённой Инеистой почвы. По сравнению с ней холод пустоты был обжигающе горячим. Заполучив земляную тотемную татуировку, культивация Мэн Хао стремительно взлетела вверх. Теперь он двигался с ещё большей скоростью, чем прежде. К тому же пустота никак больше не мешала.

После получаса преследования бабочки он с довольной ухмылкой убрал её в бездонную сумку. После этого он остановился, чтобы подумать. "Два демонических духа. Один можно использовать для получения права прохода в Чёрные Земли. Другой... его судьбу я могу решить через двести лет, когда откроется древний мир Бессмертного Демона!" С новообретённой решимостью в глазах он полетел вперёд. На ходу он вытащил меч Хань Шаня. Выглядел он довольно заурядно и совершенно непримечательно. Но Мэн Хао собственными глазами видел, как он разрубал Небо и Землю, разрывал пустоту и обрушивал невероятную ауру на духов горы.

— Это меч Бессмертного!

Он осторожно пробежался пальцами по лезвию. Клинок отозвался на прикосновение негромким гулом. В этом гуле слышались нотки печали, скорби от расставания и надежды на воссоединение в будущем. Гул напомнил Мэн Хао о Хань Шане. Он не удержался от вздоха.

— По сравнению с почтенным Хань Шанем я ещё слишком слаб. Сейчас я не могу сражаться тобой. Однако ты был подарен мне твоим прошлым хозяином. Отныне ты… мой меч! Я обещал вызволить почтенного Хань Шаня. Я обещаю, что возьму тебя с собой. После спасения я верну тебя почтенному Хань Шаню.

Гул лазурного меча стих. А потом меч превратился в лазурный луч света, который описал большую дугу и помчался к Мэн Хао. Он ничего не сделал, чтобы остановить клинок. Лазурное сияние коснулось его, отчего на лбу выступила капля крови. Когда кровь упала на лезвие, Мэн Хао тотчас почувствовал связывающие его и меч узы. С блеском в глазах он поднял правую руку. Меч умчался вдаль, при этом его лазурная аура тут же взметнулась до Небес. Он летел настолько быстро, что Мэн Хао не мог уследить за ним взглядом. Целью меча был камень диаметром в три километра. В следующий миг камень разлетелся на куски. Фрагменты камня ещё не успели разлететься в стороны, а меч уже парил перед Мэн Хао.

Впечатлённый, Мэн Хао выставил руку. Меч медленно начал уменьшаться в размерах, пока не стал размером с ноготь. Мэн Хао проглотил его, заставив меч слиться с ним. Он стал одним из козырей Мэн Хао — козырем, который нельзя доставать из бездонной сумки, иначе это лишит его эффекта неожиданности. Пока фрагменты камня разлетались во все стороны, Мэн Хао вытащил свой кусок камня Моста Бессмертных, который перенёс его в мир Руин Моста. Он раздавил его и в следующее мгновение исчез.

Северная область великой Западной Пустыни постепенно уходила под воду. В самых низменных областях уже образовались пурпурные озёра. Дождь продолжал лить как из ведра. С каждым днём ливень только крепчал. Небо было затянуто тучами, которые не пропускали солнечный свет, отчего казалось, что весь день стояли сумерки. Это была давящая картина. Повсюду расползался холод, способный истребить всё живое.

В горах стояла безжизненная тишина, повсюду валялись останки не успевших сбежать зверей. Теперь весь север Западной Пустыни лишился духовной энергии.

Вдалеке показалась летящая по воздуху группа людей численностью четыре-пять тысяч человек. Они явно мигрировали. Среди них никто не разговаривал, при этом лица многих имели болезненный оттенок. Похожие мигрирующие группы стали обычным явлением для севера Западной Пустыни.

Но тут вдалеке показался яркий луч света, от которого исходила давящая аура. С громким и угрожающим гулом он на огромной скорости летел по небу. Приближение этого луча света переполошило мигрирующее племя. Они поражённо подняли глаза в небо. Пять практиков стадии Зарождения Души изумлённо заговорили:

— И Чэньцзы!

— В этом районе его жертвами стали уже семь или восемь племён! Он использует убитых людей в кровавом ритуале, чтобы жертвами усилить собственную культивацию. Если Небеса желают уничтожить наше племя, всё, что мы можем, так это соблюдать осторожность. Как вышло, что мы столкнулись с этим проклятым И Чэньцзы!

Надвигающимся лучом света оказался И Чэньцзы, тот самый, за которым гонялся Мэн Хао в мире Руин Моста. Только благодаря буре, устроенной рабами моста, ему удалось избежать смерти от рук Мэн Хао. С маленькой головой, но довольно внушительным ростом он чем-то напоминал крысу. Такое странное сочетание делало его весьма узнаваемым практиком. Он с хищной улыбкой летел к своей очередной жертве.

Две недели назад он вернулся из мира Руин Моста. Вернулся туда же, откуда отправился в мир Руин моста: на границу северной области Западной Пустыни. Путешествие в мир Руин Моста прошло совершенно не так, как он планировал. К тому же из-за Мэн Хао ему пришлось вернуться раньше, чем хотелось бы. В конечном итоге он мог лишь тяжело вздохнуть, коря судьбу за то, что она свела его и Мэн Хао вместе. В Западной Пустыне он пытался понять, откуда был родом Мэн Хао, страшась встретиться с ним ещё раз. После долгих размышлений он пришёл к выводу, что Мэн Хао просто не мог быть практиком из северной области. Всё-таки культивация племён северной области была самой слабой во всей Западной Пустыне. Прошло много лет с появления последнего избранного Небес в этих краях. И Чэньцзы также пришёл к выводу, что северная область больше всего пострадала от апокалипсиса, а это значит, именно там будет больше всего мигрирующих племён. Такой расклад отлично ему подходил. Вот почему он взял путь на север.

[1] В трактате «Лунь юй» или «Аналекты Конфуция» (главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция из кратких заметок, фиксирующих высказывания, поступки учителя, а также диалоги с его участием) есть иллюстрирующий эту концепцию отрывок: "Кто-то спросил:

— Что если за зло платить добром?

Учитель ответил:

— А чем же за добро платить? Плати за зло по справедливости, а за добро плати добром". — Прим. пер.

http://tl.rulate.ru/book/96711/131732